

ПРИНАДЛЕЖИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

К 200-летию со дня рождения Бетховена

В эти дни эфир полон звуков музыки, рожденной гением одного из величайших композиторов всех времен и народов — Людвиг ван Бетховена. Вслушайтесь в эти звуки — в них биение большого и чуткого человеческого сердца, в них — пламень души, рвущейся к свободе, к свету.

Недавно опубликовано любопытное письмо Бетховена, адресованное Терезе Брунвик, большому другу композитора. Есть там примечательные строки: «...умоляю Вас повторить для меня тот маленький рисунок, который я имел несчастье потерять. Орел, глядящий на солнце — вот что это было, я отлично помню. Но не подумайте, что я тут в какой-то степени подразумеваю себя, хотя нечто подобное мне уже кто-то приписывал».

Скромность — скромностью, а «кто-то», о котором упоминает композитор, имел основания видеть в замечательном сыне немецкого народа черты героические.

Можно представить себе фильм об этой неповторимой жизни — неповторимой по облику драматических узлов и парадоксов. Это был бы рассказ о человеке, с детских лет познавшем, что такое бедность и что такое эксплуатация, пусть даже первым эксплуататором был его собственный отец, стремившийся сделать из маленького Людвиг «второго Моцарта». Рассказ о гордой душе, смело бросающей вызов «сильным мира сего». Тут можно вспомнить случай в имени богатого мецената князя Лихновского близ Вены. Князь предложил Бетховену сыграть его гостям — офицерам наполеоновской армии, оккупировавшей Вену. Бетховен отказался. Князь начал требовать. Бетховен оставил именные под проливным дождем отправился домой, в Вену, а там швырнул на пол бюст Лихновского и написал своему «патрону» гневное, полное достоинства письмо: «Князь, тем, что вы из себя представляете, вы обязаны случайности рождения; тем, что я собой представляю, я обязан самому себе. Князей существует и будет существовать тысячи, Бетховен — только один».

Это был бы рассказ о человеке необычайно трудной творческой судьбы. Он познал и славу, и успех. При этом и

слава, и горечь разочарования порою приходили к нему вовсе не тогда, когда он внутренне чувствовал, что заслужил их. Так, небывалую популярность принесла ему крикливая батальная картина для трех оркестров «Победа Веллингтона в сражении при Виттории» — произведение, которое сам автор считал «глупой путкой». Зато одно из величайших бетховенских творений — Третья («Героическая») симфония, созданная в 1804 году, была встречена критикой в штыки, а годом позже горькая судьба постигла его единственную оперу «Фиделно» — одно из самых выдающихся музыкально-драматических произведений XIX века.

Это был бы, далее, рассказ о человеке, чрезвычайно неустойчивом в личной жизни — ему так и не удалось обрести собственную семью. Наконец, разве не чудовищным парадоксом оказалось то, что в 26 лет величайший музыкант начал глухнуть и вскоре окончательно лишился слуха.

Но вместе с тем это был бы рассказ о человеке, исполненном мужества. «Я схвачу судьбу за глотку, совсем согнуть меня ей не удастся», — заявил он в одном из писем. И — судьбе наперекор — Бетховен создал много небывалых по масштабности, эмоциональной силе и мастерству произведений, в которых кипит страсти человеческие, утверждается дух борьбы за счастье миллионов.

Были и до Бетховена великие композиторы. Но очень верно принципиальное отличие Бетховена от его предшественников отметил проницательнейший русский критик В. Стасов. «Моцарт отвечал только за отдельные личности... Бетховен же только и думал об истории и всем человечестве...» А о родниках, питающих его творчество, хорошо сказал крупней-

ший советский музыковед Б. Асафьев: «Когда читаешь письма современников французской революции, описания выступлений революционного народа, протоколы Конвента, вспоминаешь походы энтузиастических армий, борьбу идей и ярких волевых индивидуальностей — становится ясно, как родилась музыка такой силы и столь яркой образности».

Новые задачи искусства, решать которые взялся Бетховен, вызвали необходимость смелого расширения арсенала всех выразительных средств — гармонических, оркестровых и других, и не менее смелого взламывания канонических музыкальных форм. Результат — качественно новое содержание в различных жанрах музыки. Полные драматизма сонаты Бетховена некоторые его современники называли «неосуществленными операми», а об оркестровых увертюрах — таких, как «Эгмонт», «Кориолан», критики говорили как об одностанных симфониях. Огромной заслугой Бетховена является утверждение программности — одного из самых демо-

кратических начал в музыкальном искусстве.

Достоин восхищения то, что сын бедного музыканта, не получивший, по существу, систематического общего образования, поднялся до уровня передовых мыслителей своего времени. Он впитывал в себя все лучшее, что создала человеческая цивилизация — от Гомера и Платона до своих современников Шиллера и Гете. С такой же неутолимой жаждой вбирал он в себя музыкальные потоки, идущие из глубин народных, вбирал, чтобы возратить народное — народу. В произведениях Бетховена то и дело слышатся массовые интонации, почерпнутые в немецкой народной песенности, в песнях и маршах французской революции, в танцах различных народов. Он оставил замечательные обработки песен английских, ирландских, валлийских, шотландских, а музыкальными темами некоторых его струнных квартетов послужили русские и украинские народные напевы. Так демократическое в творчестве Бетховена переплетается с интернациональным.

Музыка Бетховена, не понятая в аристократических салонах, пробивала себе дорогу к тем, к кому была обращена, — к народу. И разве не примечательно, что самый восторженный прием она находила в сердцах тех, кому история предназначала стать во главе революционных масс. Вот что писал сестре молодой Энгельс после прослушивания Пятой симфонии Бетховена: «Эта и «Героическая» симфония мои любимейшие произведения». А как не вспомнить знаменитые ленинские слова о бетховенской сонате «Аппассионата». «Ничего не знаю лучше «Аппассионата», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть,

наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!»

Вершиной творческого гения Бетховена стала его грандиозная Девятая симфония. С необыкновенной силой в ней выражена гуманистическая идея нескрушимой веры в прекрасное будущее человечества. Мощно, как величественный гимн, звучит финал Девятой. Композитор вводит в партитуру четырех солистов и хор, поющих строки из оды Шиллера «К радости» — «Обнимитесь, миллионы».

Как-то П. И. Чайковский, говоря о разработке одной из тем Седьмой симфонии Бетховена, заметил: «Нельзя передать словами, до чего это бесконечное разнообразие в единстве изумительно». Окидывая мысленным взором все, свершенное Бетховеном в различных жанрах музыки, мы вправе повторить слова гениально-русского композитора. При всем разнообразии жанров его музыки — какая идейно-творческая целеустремленность! К слову сказать, мысль о музыкальном воплощении шиллеровской оды «К радости» возникла у Бетховена неоднократно задолго до Девятой симфонии; сохранились наброски, сделанные в 1798, 1811, 1814 годах.

Почти накануне своей кончины Бетховен заявил, что видит впереди новые художественные задачи и ощущает себя «музыкантом, сочинившим всего лишь несколько строчек».

Новые художественные задачи довелось решать его последователям. И как не гордиться тем, что во второй половине XIX столетия наиболее передовым отрядом в европейской музыкальной культуре стала русская музыка. И, может быть, не случайно, вступая в самостоятельную творческую жизнь, Чайковский представил в качестве дипломной работы в консерватории кантату «К радости» на слова Шиллера, — он как бы принял от Бетховена творческую эстафету.

Широко известны слова Бетховена, сказанные о Бахе: «Не ручей, — море должно быть ему имя» (слово «бах» по-немецки означает — «ручей»).

О Бетховене можно сказать: «Не море, — океан».

А океаны принадлежат человечеству.

В. ХОМЕНКО.

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Четыре дня продолжалась в Киевской консерватории научная студенческая конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Бетховена. В двадцати трех докладах и сообщениях члены научного студенческого общества затронули многие вопросы, связанные с творчеством великого композитора, с истинно-искусственной интерпретацией его произведений, с ролью его творческого наследия в музыкальной педагогике и критике. Интересными были, в частности, сообщения, связанные с темой «Бетховен и Украина», еще не разработанной советским музыковедением.

В концерте, которым открылась конферен-

ция, студенческий хор исполнил 1-ю часть «Торжественной мессы» Бетховена — произведения, которое впервые прозвучало в Петербурге в 1824 году и с тех пор в нашей стране не исполнялось. Для заключительного концерта специальную программу подготовил студенческий оркестр народных инструментов. Переложения симфонических произведений Бетховена для этого оркестра были сделаны также студентами.

Е. МАЙБУРОВА.

И. о. профессора, научный руководитель НСО Киевской консерватории.